

Оглавление

Глава 1. Ночь	5
Глава 2. Бомж	20
Глава 3. Свинцовый дождь	31
Глава 4. Аномалия	47
Глава 5. Звериный Доктор	59
Глава 6. «Шти»	78
Глава 7. Динка	93
Глава 8. Бегство	105
Глава 9. Не Меченый	119
Глава 10. Стрелок	136
Глава 11. Расщепление реальностей	147
Глава 12. Гусь	161
Глава 13. Родственнички	171
Глава 14. Монстры	181
Глава 15. Битва	192
Глава 16. Демоны	205
Глава 17. Клещ	223
Глава 18. Патогеныч-два	241
Глава 19. Гон	256
Глава 20. Мертвый Профессор	272
Глава 21. Машинный зал	288
Глава 22. Между братишками	302

Глава 1

НОЧЬ

Ночью в Зоне исключительно паршиво.

То есть в Зоне, разумеется, паршиво круглые сутки, кто же спорит. Однако ночью здесь паршиво в кубе.

Густой, словно деготь, непроглядный мрак скрывает смертоносные ловушки и аномалии, которые и при дневном свете не очень-то бросаются в глаза. Голодные хищники беззвучно перемещаются в океане тьмы, обступающем со всех сторон, подбираются все ближе, готовые молниеносно впиться тебе в горло, пока ты слепо водишь перед собой стволом дробовика.

А возле Четвертого энергоблока рыщут еще более опасные хищники, двуногие — «пьедесталовцы», у которых имеются приборы ночного видения, и темные сталкеры-полумутанты, которым никакие приборы вообще ни к чему, потому что они и так прекрасно видят ночью и чувствуют аномалии за километр, как псевдопсы.

Но самое паскудное — в ночной Зоне, в окружающей чернильной темноте обитает Ужас. Нечеловеческий, нелогичный, нерациональный Ужас, который невозможно побороть никакими доводами разума. Днем он никуда не исчезает, просто отступает на задний план, прячется в пустых проемах полуразрушенных домов, выглядывает из люков и колодцев, рыщет в катакомбах Мутной долины.

Днем его по крайней мере можно терпеть. При солнечном свете это проще.

А вот в непроглядном мраке Ужас чувствует себя хозяином положения. Он подкрадывается вплотную, подобно коварным ночным тварям, дышит в ухо, гладит холодными костлявыми пальцами по спине, немолимо перекрывает дыхание, превращает человека в нервно озирающегося, вскидывающегося от любого постороннего звука неврастеника.

И ладно еще, если встретишь в укрытой тьмой Зоне Черного Сталкера, Звериного Доктора или Оборотня. В этом случае, скорее всего, жив останешься. Однако по ночам Зону топчут и гораздо менее дружелюбные призраки, встреча с которыми означает неминуемую и мучительную смерть.

Короче, ночью здесь само по себе предельно паршиво. А если к тому же лежишь мордой в битом кирпиче, всем телом вжимаясь в сырую прелую листву, а над головой у тебя хищно клекочут лопасти армейского «Скай фокса» и нет никакой возможности перетянуть жгутом поврежденную ногу, чтобы жизнь не уходила из тебя по капле вместе с кровью, ощущения вообще ниже среднего. Заявляю как эксперт.

«"Кречет-один", я "Кречет-три", — чуть слышно донеслось до меня из наручного ПДА, настроенного на волну военных сталкеров. — Отработал по нарушителям из пушек, по-моему, живы еще. Мутанты по руинам лазают, как крысы. Выкопать им тут всем братскую могилу или не тратить зря ракету?..»

«Да дохлый пес с ней, с ракетой. — Этого вообще едва можно было разобрать, слишком сильные помехи и искажения. — Не жмись. Вечером натовцы обещали перебросить новую гуманитарную партию боеприпасов. "Кречет-три", как понял?»

«Понял вас, "Кречет-один". Работаем...»

Я чуть приподнял голову, стараясь не выдать себя резким движением. Впрочем, чего уже теперь прятаться, они и так прекрасно видят меня на тепловизоре.

Вертолет висел прямо передо мной, выделяясь в темноте огромным вибрирующим пятном, и из-под его плоскостей вот-вот должна была сорваться осколочная смерть со стабилизаторами. Я почти видел, как она подрагивает в темноте, словно гончая, которая уже завидела лису, но еще не получила команду «Взять!».

Ни хрена себе день начинается, как справедливо говорит в таких случаях один мультяшный страус.

То есть на самом деле день как раз начался вполне пристойно. Далеко не каждый день в Зоне так пристойно начинается.

Накануне Калбасик отловил меня в баре «Шти» за стаканом крепкого прозрачного и предложил работу — очень вовремя, надо сказать, потому что денег у меня оставалось ровно на этот вот самый стакан крепкого прозрачного.

Хороший парень Калбас, внушительный дядя побольше меня, хотя и я на размеры особо не жалею, добродушный и местами по-детски наивный бычара с наголо выбритым черепом, квадратной челюстью и квадратными же кулаками, спецназовский сержант запаса. Очень любит после пары стаканов рассказывать старый анекдот про купленную болгарами «Газель» и гайку на леске, подвешенную у нее в коробе жесткости. Научил меня готовить правильный техасский стейк.

Мы с ним прошли вместе и огонь, и воду, и канализационные трубы. Молодец, не забывает о друзьях.

Из тех ребят, с кем я после дембеля в Зону приехал, только он один в живых и остался, а ведь всего-то четвертый месяц эту отравленную территорию топчем...

Я, в общем-то, давно уже понял, что сталкерство — это скорее изысканный способ самоубийства, чем верное средство хорошо заработать. Но после того, как красавица Люська окончательно пробила меня через колено, терять мне было уже особо нечего, а провести последние дни жизни интересно, на свежем воздухе и в приятной компании удастся не так уж часто.

Короче, сделал мне Калбаскин совершенно шикарное предложение: вписаться в команду, которую Иван Тайга собирал в набег на Полигон, на бывшие военные склады. Проветриться, размяться, пощипать по наводке торговца Бубны кое-какие особо ягодные места.

Тайга, чтоб вы знали, деятель совершенно легендарный, одно время ходил во вторых номерах у самого Горбатого, а потом, когда тот бесследно исчез, в одну ночь шастал за Золотыми шарами в Мутную долину и однажды самостоятельно завалил монстеру, имея при себе только магазин патронов да пару гранат. А самое главное, кроме богатейшего многолетнего опыта Иван обладает еще и неисчерпаемым запасом везения. Рассказывают, что ему доводилось выбираться из таких безвыходных ситуаций, которые даже и не снились Черному Сталкеру Диме Шухову.

Так что к нему любой третий бродяга с радостью вторым номером пойдет и еще приплатит за такое счастье. И уж тем более новичок зеленый, полгода еще Зону не топтавший.

Я-то с самого начала держал глаза и уши широко раскрытыми, отмечая, кому тут основной почет и уважение, а кого и за человека не держат. Внятная оперативная информация, как учил нас в свое время ротный, весьма облегчает жизнь смышленому комбатанту и открывает ему много дополнительных возможностей.

Вот только новичок, конечно, у Тайги вторым номером ни за что не станет. Слишком много чести, когда на эту вакансию матерые ветераны в очередь выстроились. Я сразу понимал, что в данном случае нас с Калбасяном берут в долю в лучшем случае в качестве «отмычек», которым особо много денег обычно не достается, а рисковать приходится по полной программе.

Опытные сталкеры называют нас «отмычками». Между собой называют, когда думают, что мы не слышим. Козлы, сука. Используют нас как минные тралы в особо опасных местах. Прощел, руководствуясь указаниями старшего, — молодец, когда-нибудь настоящим сталкером будешь.

Не прощел — ну, тоже бывает. Сколько вас таких по полесским холмам валяется, неудачников, а в баре уже новый молодняк сидит, ждет своей очереди. Кто будет сожалеть об использованной одноразовой «отмычке», кроме старушки матери в родном Харькове?

Ну, кем бы тебя Тайга ни пригласил работать, а долго над такими предложениями деловые пацаны обычно не раздумывают. Мы с Калбасиным чокнулись прозрачным, и я сказал: «Годится».

По дороге туда нас, «отмычек», было трое. Большие команды, которыми тяжело управлять и которые тяжело держать в узде, Тайга не любит, оттого

и людьми особо не разбрасывается, что в нашей ситуации тоже несомненный плюс.

Калбасевич познакомился с третьим уже в Зоне, а я вообще увидел его только накануне нашей ходки в баре, когда мы обсуждали окончательную диспозицию.

Паленый — новый второй номер Тайги, бывший профессиональный зэк, топтавший аномальную Зону уже около полутора лет, белорус с бегаящими глазами и багровой, словно обожженной солнцем физиономией, — представил мне его как Кильку, и я не знал об этом третьем абсолютно ничего, кроме того, что кличка здорово ему подходит: худющему, словно высушенному, с острым носом, похожим на рыбе рыльце, с выпученными глазами. Казалось, его двумя пальцами пополам порвать можно. Татуировки на худых кистях рук указывали, что у него тоже довольно обширное уголовное прошлое — видимо, Паленый знал его еще по колонии и вытащил в Зону по каким-то своим старым связям, наобещав с три короба.

Я так себе разбираюсь в блатных наколках, но по повадкам Килька явно не относился к воровской элите: молчаливый, угодливый, послушный, с заискивающим лицом. И ладушки; не хватало еще за Периметром разбираться со всякими криминальными понтами. Нам вполне хватало своих, армейских.

Он сгинул на границе Технопрома. Паленый, который шел впереди нас по пологому глинистому откосу, вдруг остановился, заозирался, завертел головой, что твой сыч. Мы тут же застыли кто где стоял — в нас это вбили первым делом при помощи могучих затрещин: если ведущий замер, значит, тут же делай как он и никак иначе. Сталкерское чутье у них, видите ли.

Не знаю, как там с чутьем, мистика все это, по моему; не бывает никакого сверхъестественного чутья. Другое дело, что ветераны подсознательно подмечают какие-то неправильности в привычном окружающем пространстве, и это наверняка помогает им пореже попадать в совершенно невидимые ловушки.

И это... насчет затрещин. Не поймите неправильно, с Тайгой у нас наверняка вышел бы спарринг на равных, а Паленого я вообще парой ударов вырубил бы навечно. Я терпел затрещины не потому, что боялся ветеранов, а потому, что затрещины действительно были нужны. Для науки.

В «отмычках» долго не протянешь, надо либо быстро ухватить солидный кусок и драпать из Зоны со всех ног, со скоростью литерного поезда. Что практически нереально. Либо потихоньку становиться сталкером-ветераном и самому начинать ворочать хорошими деньгами. Второе тоже труднодостижимо, но, по крайней мере, здесь рассчитывать приходится не на чудо, а на свои силы.

Для этого как раз и нужна хорошая наука в «отмычках» у мастера — особенно у такого, как Тайга. Больше-то набираться опыта негде, на сталкера в кулинарном колледже не учат. И затрещины при обучении — наипервейшее дело. Соображать в острых ситуациях начинаешь гораздо быстрее и не в пример тоньше, чем если бы тебе всё объясняли на пальцах. Неоднократно проверено и на себе, и на других.

В общем, Паленый вдруг застрял посреди дороги что твой монумент — ни туда, ни сюда, ни объехать, ни обойти. Ни перепрыгнуть.

Кинул вперед болт — ноль. Постоял, поводит багровым носом, кинул рядом другой — ноль по массе. Ни шевеления, ни ветерка. Вообще ничего.

Но рожа у второго номера все равно оставалась страшно недовольная, словно с размаху в коровью лепешку наступил.

Тайга стоял позади шагах в десяти и терпеливо дождался, пока Паленый закончит шаманить. Наконец помощник ведущего негромко уронил:

— Один...

Лаконичное «один» в устах сталкера-ветерана, которые, как правило, не слишком любят на маршруте языком работать, означает: «Один из щенков, быстренько подошел ко мне».

Как раз перед этим закончилась моя очередь служить живым минным тральщиком. Такой у нас был изначально установлен график: два раза подряд идет вперед в сомнительных местах Калбасишвили, потом два раза я, потом два раза Килька. И снова по кругу: Калбас, я, уголовник.

Тайга в тот раз еще обсчитался и хлопнул меня по плечу — вперед, дескать, радиоактивное мясо, не заставляй моего драгоценного помощника ждать. И я даже действительно шагнул вперед: приказ ведущего — закон для «отмычки», это я усвоил накрепко. Мало ли какие у ветерана соображения. Если он вне очереди посылает вперед именно тебя, значит, так надо, от этого может зависеть судьба всех.

Однако Килька испуганно мотнул головой — типа моя очередь, командир, — и Тайга не стал настаивать. Я замер на месте, а Килька, осторожно переставляя ноги, словно по болоту или тонкому льду, побрел к Паленому.